

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

DOI: 10.31857/S086919080003957-9

**«ЗЕМЛЯ» КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО:
КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РАННИХ ФОРМ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

© 2019

А. К. АЛИКБЕРОВ

Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация;
ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>; alikberov@mail.ru

Резюме: Кросс-культурный анализ феномена «территориального государства» (англ. *Territorial State*, нем. *Territorialstaat*), который изначально восходит к племенной территории – «Земле», проведен с помощью транссубъектного системно-коммуникационного подхода, который определяет доминантную форму политических связей и отношений для каждого Его, жившего в конкретное время и в конкретной местности. Этот новый подход учитывает не формальную, номинальную, а фактическую иерархию, реальные отношения соподчиненности в конкретном обществе. Важнейшим источником для определения доминантных политических (по сути тоже коммуникативных) связей и отношений являются актуальные для изучаемого периода правовые документы, регулирующие «жизненный мир» человека того времени.

Территориальные государства – это первые крупные государственные образования, исторически применявшееся понятие «земское государство», производное от слова «земля». В эту категорию также включаются и многочисленные государства-поместья Западной Европы IX–XIII вв., которые принято считать формами «сословной», или «сеньориальной» монархии. Образование союзов общин, с которого начинается «Земля» как территориальное государство, представляет собой начало процессов не только социогенеза, но и политогенеза. «Земля», или территориальное государство, рассматривается как особая форма системы политической организации, промежуточная между городом-государством (полисом) и абсолютной (реальной, а не номинальной, и поэтому истинной) монархией.

Ключевые слова: «Земля», полюдьё, полис, город-государство, союз городов, земское государство, монархия, абсолютизм.

Для цитирования: Аликберов А. К. «Земля» как территориальное государство: кросс-культурный анализ ранних форм государственных образований. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 24–38. DOI: 10.31857/S086919080003957-9

**“LAND” AS TERRITORIAL STATE:
CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF THE EARLY STATE FORMS**

Alikber K. ALIKBEROV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>; alikberov@mail.ru

Abstract: Cross-cultural analysis of the “territorial state” (*Territorialstaat*), which initially goes back to “land” as tribal territory, is carried out with the help of system-communication approach determining dominant form of political ties and relations for each Ego who lives in particular time and in particular place. This new approach does not take into account formal, nominal, but only actual hierarchy,

real relationships of subordination in particular society. The most important source for determining dominant political and communicative relations and relations consists of legal documents that regulate "life circle" of people who lived in that time. Territorial states were the first large polities known as land commonwealths. This category also includes numerous estates in Western Europe from the 9th to the 13th centuries that are usually considered a form of "estate" or "seignorial" monarchy. The land as such starts from the formation of communal confederations that marks the beginning of sociogenesis and politogenesis processes. The author argues that land or territorial state should be considered a specific form of political body that existed later than city-state (polis) but earlier than absolute and therefore not nominal but real, true monarchy.

Keywords: territorial state, "land", poludie tribute gathering, city-state, city league, land commonwealth, monarchy, absolutism.

For citation: Alikberov A. K. "Land" as territorial state: cross-cultural analysis of the early state forms. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 24–38. DOI: 10.31857/S086919080003957-9

Системно-коммуникационный подход к изучению истории, на основе которого анализируются ранние формы государства на Востоке и Западе, отталкивается от «жизненного мира» человека своей эпохи, который представляется в виде системы коммуникативных связей «исторического» *Ego*. Это транссубъектный взгляд, опосредованный через систему личности, субъекта истории, исключительно в масштабе мировосприятия этой личности. Развитие коммуникационных возможностей человека (развитие городов, транспорта, средств коммуникации, расширение периметра социальных связей) последовательно расширяло пределы «жизненного мира» человека, системы его коммуникативных связей и отношений. В соответствии с историческими трансформациями менялись и понятия земли, страны и государства.

Не углубляясь в многочисленные теории происхождения государства, отметим, что исследователи часто оперируют абстрактными категориями типа «протогосударство», «предгосударство», «зачаточное государство», «переходное государство», «раннее государство» [см.: Claessen, van de Velde (eds), 1987; Claessen, Oosten (eds), 1996 и др.], «сегментарное государство» [Southall, 1988, p. 52–82], и т.д. Отчасти соглашаясь с критикой существующей типологии государств и политических систем [Southall, 1965, p. 112–140], с одной стороны, разделяя точку зрения П. Л. Белкова об игре терминов при обозначении ранних форм государственных образований [Белков, 1995, p. 178–182], с другой стороны, а также стремясь уменьшить неопределенность семантического поля абстрактных понятий, мы выделяем три понятия, наиболее важные с точки зрения политогенеза, которые довольно условно фиксируют основные этапы формирования государства: 1) город-государство («полис»), 2) территориальное государство (условно «земля») и 3) гражданское государство. В известной классификации Генри Классена и Питера Скальника такое деление соответствует этапам «зачаточного», «переходного раннего» и «типичного государства» [Claessen, Skalnik, 1978, p. 22–23]. Нас интересуют лишь начальные стадии, которые в различных культурах развивались в разное время.

В соответствии с требованиями кросс-культурного метода семантических эквивалентов системно-коммуникационного подхода к изучению истории, к исследованию привлечен эмпирический материал по истории разных стран, регионов, культур и эпох: не только Востока (Месопотамии, Сасанидского Ирана, Арабского халифата, империи Великих Моголов и др.), но и Древней Греции, Римской империи, Древнерусского государства, европейского средневековья, России Нового времени. Базовой моделью для сравнительного изучения стал Кавказ, который отличается от других регионов мира чрезвычай-

чайным языковым, культурным, социально-политическим и конфессиональным многообразием.

Процессы распространения монотеистических религий на Кавказе (иудаизма с середины I в. до н.э., христианства с начала IV в. и ислама с первой половины VII в.), так же, как и сопутствовавшие им процессы сближения и слияния общин, укрупнения населенных пунктов, образования городов и эволюции ранних форм государственных образований, нашли свое отражение в сасанидских, сирийских, арабо-мусульманских, византийских, русскоязычных и других письменных источниках. Процессы социогенеза и политогенеза, которые в разных регионах мира происходили в разное время, здесь продолжались и в XIX в., когда Дагестан и другие области Восточного Кавказа вошли в состав Российской империи. Кавказ традиционно населяли различные типы обществ: от архаических родовых союзов и их более поздних локальных форм (*тухумов*, *тейнов*) с племенными культами до зрелых политических образований с развитыми социальными и духовными институтами (царства, княжества, владельческие образования, ханства, бекства, бийства, султанаты, эмираты, шамхальство, уцмийство, майсумство, имамат, система власти кадиев и др.). Благодаря усилиям таких ученых, как Максим Ковалевский, эти процессы хорошо задокументированы вместе с действовавшими в них нормами и установлениями обычного права [Ковалевский, 1887].

* * *

В статье, посвященной возникновению ранних форм государства, Дауд Хассан соглашается с заключением Джима Готтмана, указавшего на два латинских термина, которые в конечном итоге породили само понятие территориального государства – *Terra* «земля» и *Torium* «принадлежность правителю». Таким образом, утверждает Хассан, речь идет о территории, принадлежащей правителю, т. е. имеющей определенную власть [Hassan, 2006, p. 64].

Не менее важным для нашей темы является термин *Dominium* – это и домен, т. е. владение (в средние века – владения короля или феодала), и индивидуальная собственность, и правление (ср.: *Dominium regale* «королевское правление»). Общий с ними по происхождению термин «доминат» (лат. *dominātus*), имеющий значение «господство» (отсюда – *dominus* «господин, хозяин»), обозначал форму правления в Древнем Риме, пришедшую на смену принципату. Поскольку режим домината нельзя еще называть классической (по крайней мере, наследственной) монархией, термин «доминат», выражающий ранние формы реального политического доминирования, а также иерархию отношений доминирования – подчинения, чрезвычайно удобен для обозначения режимов власти на начальных этапах формирования государственных образований.

Из латыни понятие «территориальное государство» проникло и в научную литературу, сначала в западноевропейскую историографию (ср.: англ. *Territorial State*, нем. *Territorialstaat*), а затем и в отечественную. В русской истории можно встретить и более точное, исторически применявшееся понятие «земское государство», производное от слова «земля». Говоря о земском государстве, М. Ф. Владимирский-Буданов пояснил, что «в государстве такого типа преобладающим элементом служит **территориальный**: государство есть **союз общин, старшая община правит** другими общинами» [Владимирский-Буданов, 1907, с. 285]. Далее он выделил другие типы государств, которые являются «союзом сословий» (феодалное общество), или лиц (ордена), или родов»; в немецкой исторической науке сословная монархия именуется *Ständestaat* [Ильин, 1994, с. 127].

«Союз общин» М. Ф. Владимирского-Буданова можно сопоставить с северокавказским «вольным обществом», которое представляло собой союз двух и более родовых или сельских общин, тяготеющих к наиболее крупному в своей округе населенному

пункту, на основе обычного права его общины. Затем эти союзы общин трансформировались в союзы вольных обществ и далее – в более широкие территориальные объединения. Например, в южной части Дагестана, на территории исторического Лакза, сельская община селения Ахты покровительствовала ближайшим к селу поселениям, в результате в начале XVII в. появился классический союз сельских общин Ахты-пара, включавший в себя помимо Ахты еще 11 поселений (Хкем, Хуля, Гра, Гогаз, Усур, Кака, Гдынк, Кудчах, Миджах, Смугул, Хал) [*Памятная книжка...*, 1911, с. 280–283]. «Вольное общество» вроде Ахты-пара, организованное по принципу клиентелизма, в свою очередь, объединялось в более широкие союзы с другими подобными ему «вольными обществами», и это также были территориальные образования. Самурские вольные общества включали в себя Ахты-пару, Алты-пару, Докуз-пару, Рутул, т. е. территорию расселения трех разных народов (собственно лезгин, рутулов и цахуров), объединенных географически (т. е. территориально) – долиной реки Самур и общей дорогой.

В 1728 г. Иоганн Гербер описывал Самурские вольные общества как союз уездов: «Из сих пяти уездов каждой состоит в нескольких деревнях, которые все между горами, несколько вместе, а несколько между долинами разсыпно лежат <...> Хотя всякая деревня своего старшину имеет, которые территориально вместе содержатся, однакож обыватели оным мало послушны бывают, ибо всяк сам собою господином <...> Сии пять уездов крепко заедино стоят, и что одному учинится, то и другие так, как себе учинено почитают» [Гербер, 1958, с. 77–78].

В Древней Руси уездом называлась округа крупного города, или тяготевшая к городу группа волостей: согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона уезд – это «совокупность всех волостей, примежеванная к известному пункту – городу или селу» [Брокгауз и Эфрон, 1902, т. 34, с. 650]. Но волость как нижняя единица административно-территориального деления появилась в России лишь в 1797 г., в первоначальном значении – это земля, местность, союз сельских обществ, а затем – определенная территория с главным городом и князем. Макс Фасмер объясняет прямую связь между словами «власть» и «волость», которое образовано от глагола «володеть» (владеть) [Фасмер, 1986, т. I, с. 344]. Иначе говоря, в процессе развития союзов сельских обществ во главе с главным населенным пунктом и возникает понятие политической власти, а также понятие общества (не случайно сельская община называлась «общество» и «мир»).

Вместе с волостями на Руси часто упоминаются и *станы*: первые отличались общинным устройством, а вторые – более крупной единицей, объединявшей разные волости. Наиболее распространенная точка зрения объясняет этимологию слова *стан* как остановку в пути следования князя в определенных местах, которые впоследствии становились местопребыванием его наместника, центрами уезда или даже княжества (подробнее об этом см.: [Аверьянов, 1989, с. 114–122]). Вопрос о возможной связи этого *стана* с персидским *остан* «земля», «страна» (см. о нем ниже), предположительно – через хазарскую интерлюдию, мы оставляем за скобками.

Понятие земского государства, в свою очередь, перекликается с понятием «земли» в древнерусских летописях, где оно обозначает, как правило, либо племенную территорию, либо княжество. Предполагается, что земские государства как раз и складывались на месте племенных территорий, когда племена сталкивались с пришедшей извне системой политической организации. Сохранившиеся до нашего времени слова «иноземцы» и «чужеземцы», являющиеся отражением этих «земских» государств, указывают на то, что в то время и другие государства в обыденном сознании также воспринимались как «земли». Это явление наблюдается и в других культурах, в которых иностранцев называют не иначе, как чужеземцев (нем. *Ausländer*, англ. *Outlander* и т.д.).

Именно территории, а не княжества на этой территории, становились субъектами внешней политики. Например, когда «цари» Лакза обращались к кому-нибудь за его пре-

делами, они неизменно выступали от имени всей земли – Лакза, а не отдельных владений на этой территории. В частности, об этом свидетельствует переписка Мас'уда б. Намдара, секретаря *ширван-шаха* Фарибурза, к лакзам и гумикам [Мас'уд б. Намдар, 1970, л. 121б–124а]. Этот факт вряд ли говорит о господстве земельной политики над владельческой (княжеской), скорее – о политической фрагментации земельной политики, разделении сфер влияния разных источников власти на общей территории, создании системы взаимосвязанной субтерриториальной политики.

М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что «дипломатические сношения (с Царьградом) ведутся от имени земель, а не множества княжений, бывших в каждой земле; что важнейшие основания и княжеских уособий заключаются в интересах и соперничестве земель; что границы земель охранялись неизменно в течение многих веков; что, по ясным словам современников, внутренние связи государства опирались не на княжескую власть, а на власть старшего города и его вече» [Владимирский-Буданов, 1907, с. 283–284]. И далее исследователь приходит к важному выводу: «форма общества, составившая государство во весь первый период, есть **земля, как союз волостей и пригородов под властью старшего города**» [Владимирский-Буданов, 1907, с. 284] (выделено мною. – А.А.).

Чтобы понять феномен «земли», необходимо вернуться к началу формирования государственных образований. По мнению Э. Саутхолла, «самые ранние государства были городами-государствами» [Саутхолл, 2000, с. 135]. В свою очередь, город-государство становилось ядром нуклеарной структуры формирования территориального государства. О территориальном (земельном) характере военной агрессии, исходящей из греческих полисов, писали Геродот (I. 66), Павсаний (III. 3.1–2, 3.5, 7.3, 7.5–6) и Страбон (VIII. 4.4, 5.4). Наиболее ярко императив завоевания и подчинения себе прилегающих земель выражен в образе аристократической Спарты. Субъектами территориальной экспансии Спарты становился не только царь, но и лакедемоняне, спартанцы (спартиаты), дорийцы. Как отмечает А. В. Зайков, расширение влияния полиса имело следствием доризации общин в соседних со Спартой территориях, например, в Лаконике [Зайков, 2013, с. 30]. Одной из важнейших функций спартанского полиса «в архаическую эпоху было осуществление перманентной территориальной экспансии по отношению к соседям» [Зайков, 2013, с. 37].

Расширение пределов города-государства за счет территориальных завоеваний происходило не только в Древней Греции, но исторически именно в Греции и Месопотамии процесс перехода от городов-государств к территориальным государствам начался раньше всего. Один из разделов многотомной «Истории Востока», написанный И. М. Дьяконовым, так и называется: «Переход к территориальному государству в Месопотамии» [Дьяконов, 2000, с. 57–66].

Расширение сферы влияния города-государства на новые территории сопровождалось распространением на эти территории закона этого города-государства, изначально общинного, характеризовавшегося «полисной замкнутостью, архаичностью, неразвитостью и сакральным характером основных институтов», по крайней мере, для древнейшего периода римского права (VI – середина III в. до н.э.) [История..., 2004, с. 199]. Римская республика распространила римское право (первоначально – закон города Рим) сначала на Италию, затем на завоеванные территории за пределами Италии. Римское гражданство (лат. *Civitas Romana*), дававшее высший социальный и юридический статус римской античности, долгое время распространялось только на жителей Рима, независимо от их социального положения, т. е. принадлежности к патрициям или плебеям. Только римляне имели возможность пользоваться всей полнотой юридических прав, предоставляемых римским гражданским законодательством, которое оставалось совокупностью вложенных друг в друга правовых установлений городской общины. Разделение на со-

циальные классы (квириты, т. е. собственно *Civitas Romana*; латиняне – жители италийских территорий, завоеванных римлянами; перегрины – неграждане, жители колоний; детиции, «сдавшиеся», жители покоренных племен, управлявшихся напрямую наместниками) также было связано с различиями в юридическом статусе человека. Для нас важно, что римского гражданства можно было лишиться, переехав на территорию, где вместо римского действовало латинское право. Таким образом, понятие римского гражданства было связано, с одной стороны, с Римом как городом, а с другой – с определенной территорией и законом, действовавшим на этой территории.

Вероятно, переходной стадией между племенной политией и территориальным государством можно считать союзы городов, как, например, Ахейский союз, который С. К. Сизов назвал «древнегреческим федеративным государством» [Сизов, 1989]. Ахейский союз возник на отдельной территории (полуострове Пелопоннес) на основе возрождения племенного союза ахейских городов в 279 г до н. э. и просуществовал вплоть до его римского завоевания в 146 г. до н. э. Возникший в XII в. Ганзейский союз, хотя формально он и был союзом городов, фактически же с самого начала представлял собой торговую лигу (ср. *Liga Hanseatica*), союз купеческих гильдий и товариществ («Готландское товарищество» и др.), и только в конце XIII в. стал «Ганзой городов» [Сокин, 2006, с. 58–63]. Несмотря на то, что ганзейские города создали собственную правовую систему и даже армии для взаимной защиты и помощи, убежден М. Хансен, эта «организация не была государством и не могла быть названа конфедерацией городов-государств; только очень небольшое число городов в пределах лиги пользовалось автономией и свободами, сопоставимыми с свободами вольного имперского города» [Hansen, 2000, p. 305]. Системно-коммуникационный подход, выделяющий различные формы политической коммуникации, позволяет рассматривать территориальные союзы городов (Ганзейский союз был экстерриториальным) как особую форму организации территориального государства, так же, как и отдельные «свободные города» на территории Священной Римской империи – в качестве поздних форм политики городов-государств, поскольку их существование определялось непосредственной и безусловной преданностью императору и при этом де-факто политической самостоятельностью.

Пока не совсем ясно, можно ли к переходной форме политики отнести **полюдь**, которое нашло свое теоретическое обоснование в трудах Ю. М. Кобищанова [Кобищанов, 1995], или это все еще племенная полития. Красочное описание полюдь на Руси в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империй» относится к середине X в.: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья) выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением» (круговой обход), а именно в Славинии вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), кривичей, северян и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав» [Константин Багрянородный, 1991, с. 51]. Здесь племенные территории еще не обозначены как земли, хотя в некоторых переводах Славиния переводится по смыслу как славянские земли.

В российской истории «землями» назывались княжества и удельные владения, образовавшиеся после распада Киевской Руси в середине XII в. (Киевское, Московское, Новгородское, Полоцкое, Смоленское, Ростово-Суздальское, Муромское, Черниговское, Галицкое. Волынское и др.). Летописи так и называют их «землями», очевидно, в память о племенных территориях, но с указанием на главные города, например, Ростово-Суздальская земля. По своей общей типологии их можно было бы отнести к условной «этнархии», но не в чистом виде, поскольку они были образованы не столько по племенному, сколько по принципу «волостей». Но связь с племенными землями иногда выдает ономастика. Например, Муромо-Рязанское княжество образовалось вследствие расширения

сферы влияния Муром и Рязани: в названиях городов сохранились племенные названия племен *мурома* и *эрзя*.

В работах классических западных историков и историков-марксистов XIX–XX вв. территориальный тип политического устройства известен как феодальный. Опираясь на европоцентристскую картину мира, марксистская наука выделяла феодализм в качестве особой общественно-экономической формации. Согласно господствовавшей в советской исторической науке точке зрения, становление феодализма датируется ранним средневековьем (VII–X вв.), расцвет феодализма – развитым средневековьем (XI–XV вв.), а его упадок – поздним средневековьем (XVI–XVII вв.). Особое внимание при изучении этой формации уделялось периодам феодальной раздробленности.

Территориальные государства – это первые крупные государственные образования, которые в современной научной литературе чаще всего маркируются определением «раннефеодальных монархий»; в эту категорию также включаются и многочисленные государства-поместья Западной Европы, отличавшиеся крайней степенью экономической и политической децентрализации, которые в IX–XIII вв. приняло форму «сеньориальной монархии» [История..., 2004, с. 246–247]. В периодизации типов монархии соединение воедино различных типов политической организации только на основе общего внешнего, иногда формальных признаков – наличие монарха во главе и аристократической системы политической организации – не совсем оправдано. Так, П. Андерсон убежден, что средневековый монарх «представлял собой сочетание феодального сюзерена и помазанного короля» [Андерсон, 2010, с. 41]. Далее, он считает, что «в IX–XII вв. в условиях политической децентрализации, приведшей к глубокой территориальной раздробленности, королевская власть утратила свое бывшее значение. Король рассматривался феодалами как **«первый среди равных»** (*primus inter pares*). Фактически власть короля распространялась лишь на территорию его домена, но и там ему приходилось вести упорную борьбу с непокорными вассалами. Вне пределов королевского домена власть принадлежала крупным землевладельцам (герцогам Бургундии и Нормандии, графам Фландрии, Тулузы, Шампани и др.)» [Андерсон, 2010, с. 287]. Однако в этом описании речь идет скорее о форме вожества – политического лидерства, а не о монархии в строгом смысле этого слова: лидерство, в отличие от легитимной монархии, нуждается в том, чтобы его все время отстаивали.

В Европе классические «территориальные государства» появляются как результат завоевательных походов норманнов в Западную и Восточную Европу в IX–X вв., и особенно – с началом Крестовых походов на рубеже XI–XII вв. и более поздними религиозными войнами. К концу X в., когда норманны создали на севере Франции герцогство Нормандия, страна была практически полностью раздроблена на два десятка графств и герцогств, а королевская власть была чисто номинальной. В 1071–1078 гг. норманны завоевали Апулию, Калабрию, Сицилию, Амальфи, Салерно на территории Италии и образовали герцогство Апулия и Калабрия и графство Сицилия. В 1130 г. они объединились в составе королевства Сицилия. Папская область также включала в себя ряд герцогств (Беневенто, Сполето). Италия знала и другие формы территориальных государств, в том числе – княжества, графства, герцогства, маркизаты и марки, предусматривавшие право чеканить собственную монету. При этом на севере и центральной части Италии сохранялись города-государства (Флоренция, Милан, Венеция), которые активно воевали между собой. В Европе существовали и другие формы политики, в том числе религиозные, например, епископаты, которые по своей сути также были территориальными государствами [Lennarz, 1900].

В какой степени территориальные государства «раннего и развитого феодализма» можно назвать монархиями – «раннефеодальными» или, в немарксистских классификациях, «сеньориальными», если власть монарха была номинальной, а реальная политиче-

ская, экономическая и правовая власть была сосредоточена в территориальных образованиях? И в какой степени можно назвать феодальными абсолютистские монархии XVI–XVII вв., когда власть феодалов в них была сведена к минимуму, и все вопросы решал монарх единолично?

Эту проблему надежно решает системно-коммуникационный подход: «жизненный мир» *Ego* как система социальных (по сути – коммуникативных) связей и отношений средневекового человека, жившего на территории своей «земли», ограничивался этой территорией. В системе коммуникативных связей *Ego* актуальны его отношения с сеньором, местным князьком, а не с монархом. Тем более что в европейской феодальной системе отношений существовала строгая политическая иерархия, и господствовал принцип «Вассал моего вассала – не мой вассал». Как показывает кросс-культурный анализ, аналогичный принцип действовал и на Востоке, причем не только в мусульманской ленной системе *икта*¹, но и в системе кормления, которую практиковали многие народы. Монголы привнесли эту систему и в русские княжества.

Системно-коммуникационный подход к изучению истории ставит на первый план самый актуальный, объективно наиболее доминантный тип политических связей и отношений, и подчиняет ему все остальные. Такой подход требует отделять монархии с сильной центральной властью (которые в современной литературе маркируются как абсолютистские монархии) от предшествовавших им «сословных», «сеньориальных» и других территориальных (т.е. «земских») образований, которые по своей сути также являются не монархиями в строгом смысле этого слова, хотя они так и назывались¹, а территориальными государствами с ограниченным суверенитетом (княжества, герцогства, графства и др.). В определенный исторический период времени разрозненные территориальные единицы образуют общее государство, когда центр тяжести реальной власти переходит из рук множества местных правителей к монарху, который становится полновластным правителем всех «земель»: люди на этих землях становятся подданными монарха.

Период так называемой феодальной раздробленности Франции завершился лишь во второй половине XV в., во времена Людовика XI (1461–1483), превратившего страну в абсолютную монархию. Англия прошла через стадию централизованной сеньориальной монархии в XI–XII вв., а в XIII в. вступила в период гражданских войн за ограничение королевской власти. Абсолютная монархия в Англии установилась только в XVI в. В. Н. Ерохин датирует становление английской нации в пределах XVI–XVII вв., когда произошел разрыв церковно-административных связей страны с римско-католической церковью и начался процесс формирования национальной церкви [Ерохин, 2016]. Р. Джонс доказывает, что для объяснения процессов усиления централизованной власти (распространения английской системы управления на Уэльс, Шотландию и др.) необходимо изучать взаимодействие системы государственных акторов и территориального государственного аппарата, государственных образований и системы территорий; не меньшее значение имеет и территориальная идентичность, сохраняющаяся и поныне [Jones, 2007].

На определенной стадии развития «земские» государства появлялись во всех уголках мира, а не только в средневековой Европе, в каждом регионе этот процесс имел свою хронологию. Мы подразумеваем под территориальным государством не столько княжества (удельные владения, вотчины), сколько именно «земскую» политику: на одной «зем-

¹ Не все современные республики, особенно восточные, находящиеся в самом начале процесса нациестроительства (*nation-building*), отвечают хотя бы базовым критериям республиканской системы политической организации с реальным, а не декларативным разделением исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, не говоря о других принципах, о которых писал Монтескье. Примечательно, что Туркменистан – единственная страна на территории бывшей Российской империи, которая отказалась от определения «республика» в своем официальном наименовании.

ле» могло быть несколько крупных и самостоятельных городов или отдельных владений, где правили разные князья. У каждой такой политики были свои территориальные правовые обычаи, как, например, «земское право» средневековой Германии, которое нашло свое отражение в «княжских зеркалах» XIII в., или *кутумы* отдельных регионов, сеньорий и даже общин во Франции. Современные исследования «княжских зеркал» (*Mirrors for Princes*) фокусируют свое внимание на их универсальном характере и сходстве политических установок, не зависящих от несовместимых исторических контекстов, и на этом основании предлагают не рассматривать историю политической мысли как генеалогии современных политических концепций, ограниченных многозначными демаркациями контекста [Forster, Yavari, 2015].

Как показывает кросс-культурный метод, подобный жанр существовал и в других культурах мира, в том числе в древнеперсидской и средневековой арабо-мусульманской культурах [Светильник, 1992, с. 98–111; Игнатенко, 1993, с. 176–198]. Самым известным памятником жанра «княжских зеркал» в исламском мире исследователи считают «Шахнаме» Фирдоуси [Askari, 2016], составленный в X в. по заказу представителей династии Бувайхидов; отчасти это сочинение и его многочисленные репликации и подражания перекликаются с жанром сасанидской литературы «Кар-намак», описывающим деяния конкретных шаханшахов («царю царей», букв. «шах шахов») Ирана, которому подчинялись многие правители (в сасанидской номенклатуре – шахи) на территории империи, в том числе на Кавказе. В VI в., когда Ануширван легитимизировал власть местных правителей в общей иерархии сасанидского управления, Армения, Грузия и Кавказская Албания (Арран), управлявшиеся местными династиями Аршакидов, имевшими парфянские корни, не были включены в состав Сасанидского государства, как, например, владения правителей (шахов) Луристана, Гилана, Кирмана, Джурджана и др.

В трактате «Наме-и Тансар», составленном на среднеперсидском языке между 557–570 гг. и сохранившемся в переработанной форме в сочинении «Та'рих Табаристан» Ибн Исфандийара (XIII в.), упоминаются «цари народов», то есть вассальные правители местных народов, в том числе иранских, сравнительно более самостоятельные «цари пограничной области» (Кавказа), а также «царь царей» (*шаханшах*) как их верховный сюзерен. Источник недвусмысленно сообщает об усилении влияния центральной власти на «этноархические»² по своему составу территории, которое имело место как раз в VI в.: «Шахами никого называть не должно, кроме правителей пограничной области» [*The Letter of Tansa*, 1968, p. 36], т. е. Кавказа. Это признание соответствует фактическому положению вещей: кавказские политические образования того времени, лишь формально встроившиеся в политическую систему Сасанидского государства, все еще оставались территориальными государствами «земского» типа.

Вероятно, точно так же надо характеризовать удельные владения на территориях Византийской и Сасанидской империй, Арабского халифата, включая сельджукские княжества, а также Хазарского каганата, других тюркских, а также монгольских империй, особенно, когда они выступали как фактически самостоятельные политические образования, сохраняя некоторую форму зависимости от центральной власти.

Доминирующий тип политических отношений в обществах, как правило, фиксирует титулатура правителей. Е. Ю. Ванина ставит вопрос о «шахе шахов» или «шахе Индии» применительно к империи Великих Моголов, в которой часто территориальные образования брали верх над центральной властью, возвращая себе реальную политическую власть на своей территории, и в качестве ответа приводит слова французского путешественника Ф. Бернье, жившего в Индии в 1656–1668 гг.: «Империя Великого Могола включает несколько наций, над коими он не является абсолютным владыкой. Большин-

² Здесь это определение используется в следующем значении: еще не этнические, но уже не племенные.

ство из них сохраняют своих особых вождей или суверенов, которые подчиняются Моголу и платят дань ему по принуждению» [Ванина, 2016, с. 182]. И далее, Е. Ю. Ванина совершенно обоснованно соглашается с К. Э. Бэйли, который отмечал, что могольский император, носивший титул *шахانشах*, «скорее был *шаханшахом*, царем царей, чем *шахом* Индии» [Bayly, 1988, p. 13; Ванина, 2016, с. 182].

Различия между «землей» и удельными владениями на ней можно показать на примере средневековых политических образований на Кавказе. Так, после арабского завоевания Восточного Кавказа в VII–VIII вв. равнинная часть Лакза, правитель которого во времена Хосрова I Ануширвана (531–579) получил статус *шаха* и титул *хирсан-шах*, оказалась в составе Арабского халифата. Очевидно, ослабление центральной власти обусловило ускорение процессов дивергенции лезгинских языков, политической раздробленности родственных лезгиноязычных племен и образования местных политий в границах отдельных лезгинских народностей (собственно лезгинской, рутульской и цахурской): если ранние арабские источники упоминают некоего Арбиса б. Басбаса как единственного правителя Лакза, то в XII в. Йакут ал-Хамави пишет уже о «царях Лакза» (*мулук ал-Лакз*) [Yacut, 1866, I, S. 405].

Что касается Арабского халифата, то вплоть до сельджукских завоеваний большая часть кавказских «земель» (Ширван, Арран) и городов-государств (Баб ал-абваб и др.), вместе с небольшими удельными владениями сохраняли свою независимость. Сельджукская империя тоже просуществовала сравнительно недолго: после смерти Санджара б. Мухаммада в середине XII в. она распалась на множество территориальных владений, просуществовавших до XIV в.

Средневековые арабские источники довольно точно отражали реальный статус различных областей Арабского халифата и государства Сельджукидов, четко проводя различия между провинциями бывшего Сасанидского Ирана (*'амал*) и отдельными странами и городами (*балад*) на Северо-Восточном Кавказе: «*'амал* ал-Джибал», «*'амал* Табаристан», но «*балад* ал-Баб», «*балад* Табарсаран», «*балад* ал-Лакз» и др. [Мас'уд б. Намдар, 1970, л. 122б, 219б]. За общим обозначением *балад* арабских источников XI–XVIII вв. стояли местные формы «земской» политики: не только фактический город-государство Баб ал-абваб, который назывался *амират* (причем наследного *амира* жители ал-Баба могли сместить в пользу других членов правящей династии), но и бывшие «шахства» (например, Лакз как владение *хирсан-шаха*), а также более поздние формы политической организации, как уникальные (шамхальство, уцмийство, майсумство, владение кадиев, имамат Шамиля и др.), так и широко распространенные на Востоке (ханства, султанаты, бекства и др.)³.

Территориальные государства «земского» типа были распространены повсеместно, а вот никаких «классических» феодалов на Кавказе мы, конечно, не обнаружим, даже если будем рассматривать раннегосударственные образования в этом регионе в рамках феодальной концепции истории. Известны случаи жалования ленных владений в форме *'икта*, но очень редкие, и не повсеместные, и только на очень короткий срок в качестве награды за службу (военную или административную): так, *гулам* Сельджукидов Сау-Тегин получил в свое владение Дербент, когда он отвоевал его у Хашимидов в 468/1075 г. Он приказал читать *хутбу* от имени сельджукского *султана* и своего имени [Minorsky, 1958, § 46]. Не прошло много времени, как Сельджукиды сделали ставку в Дербенте на новую династию *амиров* Аглабидов: по крайней мере, это произошло в последней четверти XI в. [Аликберов, 2003, с. 224].

³ Для описания поселений в Коране зафиксировано три термина: *мадина* (собственно город), *карийа* (село) и *балад*, значение которого, как пишет О. Г. Большаков, не совсем ясно, см.: [Большаков, 2001, с. 48].

В Иране административные области традиционно назывались استان *ostān* «земля», «страна», «государство», ср. Белуджистан – «страна белуджей», Луристан – «страна луров», Курдистан – «страна курдов», Хузестан – «страна хузов» и др. Первоначально территориальное «государство», со своим народом, языком, а иногда и письменностью, *остан* в настоящее время используется как обозначение провинции, поскольку местные территориальные образования стали частью единого государства. Останы делятся на *шахрастаны* (شهرستان), на административные единицы во главе с центральным городом (شهر *шахр*), что совершенно ясно указывает на соотношение города-государства и территориального государства, а также их иерархию. Обозначение *шахрастан* служит наглядной смычкой между городом-государством, территориальным государством «земского» типа и административной областью империи или государства современного типа, которые сами также являются территориальными политическими образованиями, и это явление достаточно универсальное. В свою очередь, иранские *шахрастаны* делятся на районы (بخش *бахши*) – а это, как правило, уровень «вольных обществ» и их союзов. Подобную иерархию мы наблюдаем не только в Иране, но и на Кавказе, на который также распространяется это деление, в том числе и в иранской картине мира, ср.: Армения /Арменистан (Восточная Армения), Грузия / Гурджистан (Восточная Грузия), Дагестан / Таулистан и др., и даже за его пределами: сегодня Дагестан, Башкортостан, Татарстан и еще 19 «этнических» территорий с «титულными» народами стали субъектами Российской Федерации, но с особым республиканским статусом. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были субъектами СССР, в настоящее время независимые государства.

В связи с этой темой особого внимания заслуживает проблема взаимоотношений территориальной политики с экстерриториальной, например, имперской. Доминирующая политика для каждого *Ego*, жившего в конкретное время и в конкретной местности, определялась не формальной системой подчинения и сбором налогов в данной местности, а реальным источником власти, определявшим принципы и нормы права для конкретных людей. Например, житель Рязанской земли, даже в то время, когда она входила в состав Золотой Орды, обращался с челобитными не к золотоордынскому хану, а к своему князю. В исторической науке спорят о различиях в статусе великих и удельных княжеств Руси, или о том, что представляли собой все русские земли в монгольском государстве – составляли ли они отдельный улус Золотой Орды или это были разные улусы (букв. «земли»). В системно-коммуникационном анализе достаточно того, что *Яса* (или *Ясса*), закон великой власти Чингисхана, который после его смерти постоянно обновлялся, распространялся только на монголов, но не на русские земли. Согласно этому закону, монголы должны были сохранять кочевой образ жизни, а степное право не могло распространяться на города [Ayalon, 1971, p. 97–140].

В Священной Римской империи, образовавшейся в 962 г. (с 1512 г. – Священная Римская империя германской нации), термином *Territorialstaat* официально именовались различные территории, оказавшиеся под политической властью императора и духовной опекой Папы. При этом «Саксонское зеркало», составленное в XIII в. для «зеркального» отражения права Саксонии, провозглашало верховенство общего для всех территорий религиозного закона («Бог сам есть Закон»), а также доктрину «двух мечей» – духовный меч должен был служить римскому Папе, а светский – германскому императору [см.: *Саксонское зеркало*..., 1985]. Во всем остальном империя оставалась объединением территориальных государств. Термин *Territorialstaat* подразумевал суверенитет, или «требование к власти» (*Herrschaftsanspruch*) определенной территории и ее народа. Конституция такого государства называется территориальной конституцией (*Territorialverfassung*). По сути своей это были земельные политики, основанные на территории племени / народности, поэтому таких территорий было гораздо больше, чем современных государств: в XVI в. только в Священ-

ной Римской империи германской нации их насчитывалось около трехсот (!), и с течением времени они приобретали территориальный суверенитет [Таценко, 2017].

В Германии отдельные «земли» вплоть до конца XVIII в. сохраняли значение территориальных государств [Neuvel, 1984]. Более того, на основную массу жителей этих территорий, которые были свободными людьми, простолюдинами, распространялось «земское» право (*Landrecht*), а не ленное право (*Lehnrecht*), как на феодалов. Деление на «земли» сохранилось и в структуре Федеративной Республики Германии, в которой федерацию образуют 16 немецких «земель», в том числе с официальным «свободным» статусом. В монархической Франции княжества Нормандия, Лотарингия, Бургундия, Фландрия, Бретань, Корсика и др. продолжали называться «странами» (*pais*) даже после того, как они стали провинциями, образованными на основе традиционного права (*droit coutumier*).

В Великобритании «землям» соответствовали крупные графства, которые имели в своем обозначении **land** («земля»), в Англии, Шотландии и Уэльсе, а затем и владения в Северной Ирландии; удельных владетели этих земель были **лендлордами**. Названия централизованных монархических государств, появившихся на основе объединения «земель», также имели в своем обозначении этноним и обозначение земли, первоначально означавшие «земли народов / племен / языков»: **England, Scotland, Ireland, the land of Wales** и т.д. Британия становится абсолютной монархией только после того, как объединяет воедино ближайшие к Англии территориальные государства, а затем становится империей.

В Российской империи понятие «земли» трансформировалось в институт земства, но с совершенно иным содержанием: земские учреждения представляли собой выборные органы местного самоуправления (земские собрания, земские управы), действовавшие в масштабе губернии. В современной России определения типа «Рязанская земля», «Владимирская земля» и др. используются лишь в краеведческом дискурсе, без исторически присущего им политического содержания, или в патриотическом общественно-политическом (ср. «Родная земля», «Земля предков» и др.).

Таким образом, кросс-культурный анализ исторических фактов в рамках транссубъектного системно-коммуникационного подхода позволяет сделать следующие выводы:

1. «Землю», или территориальное государство, можно рассматривать как особый, пусть и разнородный в структурном и функциональном отношениях, тип системы политической организации, промежуточный между городом-государством (полисом) и классической монархией. Это не отрицает того, что государствогенез осуществлялся параллельными путями, и не обязательно города-государства развивались в более крупное государство, скорее они становились ядрами его нуклеарной системы, важнейшими узлами общественно-политических, социально-экономических и культурных коммуникаций, центрами притяжения для населения окрестных территорий.

2. Монархию можно признать в качестве доминантной формы политической системы только при условии наличия абсолютной (реальной, а не номинальной) системы власти, где граждане по действовавшему в то время праву и реальной практике считались подданными государя. Поэтому предшествовавшие формы монархии, которые в исследовательской литературе именуются «раннефеодальными», «сословными» или «сеньориальными», для местного населения представляют собой не что иное, как территориальные государства. Идентичность человека в таких государствах была тесно связана с его родной «землей».

3. Империя, если она по типу своей политической организации не является абсолютистской монархией, – это централизованная система взаимодействия различных территориальных политий, но никак не доминирующая полития. Поэтому почти все древние и средневековые империи, прежде всего кочевые, уступали роль главенствующего источ-

ника политической силы местным территориальным образованиям, которые по сути и представляли для местного населения доминирующую форму политики.

4. Актуализация «земской» политики в пределах империи происходила при ее политической децентрализации, а имперской – при ослаблении роли местных правителей и полном подчинении их центральной власти. Этот принцип взаимодействия территориальной власти с имперским центром, похоже, был общим для различных эпох и разных регионов мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аверьянов К. А. Московские станы и волости XIV–XVI вв. *Древнейшие государства на территории СССР*. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 114–122. [Averyanov K. A. Moscow camps and parishes of the XIV – XVI centuries. *Ancient states on the territory of the USSR. Materials and research*. 1987. M., 1989. Pp. 114–122 (in Russian)].

Аликберов А. К. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.)*. М.: Восточная литература, 2003. 847 с. [Alikberov A. K. *The Epoch of Classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haq'a'iq" (XI–XII centuries)*. Moscow, 2003. 847 pp. (in Russian)].

Андерсон П. *Родословная абсолютистского государства*. Пер. с англ. Ивана Курилы. М.: Территория будущего, 2010. 512 с. [Anderson P. *The origin of the absolutist state*. Transl. from Eng. by Ivan Kurila. Moscow, 2010. 512 pp. (in Russian)].

Белков П. Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Под ред. В. А. Попова. М.: Восточная литература, 1995. С. 178–182. [Belkov P. L. The early state, the pre-state, the proto-state: a game of terms? *Early forms of political organization: from primitiveness to statehood*. Ed. by V. A. Popov. Moscow, 1995. Pp. 178–182 (in Russian)].

Большаков О. Г. *Средневековый город Ближнего Востока, VII–XII вв.* М.: Наука; ГРБЛ, 1984. 344 с. [Bolshakov O. G. *The medieval city of the Middle East, VII–XII centuries*. Moscow, 1984. 344 pp. (in Russian)].

Ванина Е. Ю. «Шах шахов» или «шах Индии»? Территориальность и власть в империи Великих Моголов (XVI – первая половина XVIII в.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность. Геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. Отв. ред. А. В. Бочковская. М.: Наука; ГРБЛ, 2016. С. 175–201 [Vanina E. Yu. “Shah of the Shahs” or “Shah of India”? Territoriality and power in the Mughal Empire (XVI – first half of the XVIII century). *Under the sky of South Asia. Territory and affiliation. Geopolitical design and subjectivity of the perception of habitable spaces*. Ed. by A. V. Bochkovskaya. Moscow, 2016. Pp. 175–201 (in Russian)].

Владимирский-Буданов М. Ф. *Обзор истории русского права*. Изд. 6-е. Санкт-Петербург – Киев: Лито-тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1909. 699 с. [Vladimirskij-Budanov M. F. *Overview of the history of Russian law*. 6th Ed. St.-Petersburg – Kiev, 1909. 699 pp. (in Russian)].

Гербер И. Г. Известия о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году. *История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы*. Под ред. М. О. Косвена, Х.-М. Хашаева: Восточная литература, 1958. С. 31–78 [Gerber I. G. News of the peoples and lands on the western shore of the Caspian Sea, between Astrakhan and the Kura River, and their condition in 1728. *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries Archival materials*. Ed. by M. O. Kosven, H.-M. Hashaev. Moscow, 1958. Pp. 31–78 (in Russian)].

Дьяконов И. М. Переход к территориальному государству в Месопотамии. *История Востока*. В 6 т. Т. 1. *Восток в древности*. Под ред. В. А. Яковсона. М.: Восточная литература, 2000. С. 57–66 [D'yakonov I. M. The transition to a territorial state in Mesopotamia. *History of the East*. In 6 t. T. 1. *East in antiquity*. Ed. by V. A. Yakobson. Moscow, 2000. Pp. 57–66 (in Russian)].

Ерохин В. Н. *Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 751 с. [Erokhin V. N. *The formation of the nation. The religious-political history of Eng-*

land of the XVI – first half of the XVII century in modern British historical science. Saint-Petersburg, 2016. 751 pp.].

Зайков А. В. *Общество древней Спарты: Основные категории социальной структуры.* Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2013. 196 с. [Zajkov A. V. *Ancient Society of Sparta: Main Categories of Social Structure.* Ekaterinburg, 2013. 196 pp. (in Russian)].

Игнатенко А. А. Проблемы этики в «княжеских зеркалах». *Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока.* М.: Наука; ГРВЛ, 1993. С. 176–198 [Ignatenko A. A. Problems of ethics in “mirrors for princes”. *God – a man – a society in the traditional cultures of the East.* Moscow, 1993. Pp. 176–198 (in Russian)].

Ильин М. В. Политический дискурс: Государство. *Полис.* 1994. № 1. С. 127–140 [Ilyin M. V. Political Discourse: State. *Polis.* 1994. № 1. Pp. 127–140 (in Russian)].

История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч. 1. Под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. Изд. 2-е. М.: Норма, 2004. 624 с. [History of state and law of foreign countries. Textbook for universities. In 2 parts. Part 1. Ed. by O. A. Zhidkov and N. A. Krashenninnikova. 2nd Ed. Moscow, 2004. 624 pp. (in Russian)].

Кобищанов Ю. М. *Полудье: Явление отечественной и всемирной истории.* М., 1995. 319 с. [Kobishchanov Yu. M. *Polyudy: The phenomenon of national and world history.* Moscow, 1995. 319 pp. (in Russian)].

Ковалевский М. *Закон и обычай на Кавказе.* Санкт-Петербург, 1887. 432 с. [Kovalevskiy M. *Law and custom in the Caucasus.* Saint Petersburg, 1887. 432 pp. (in Russian)].

Константин Багрянородный. *Об управлении империей.* М.: Наука, 1991. 496 с. [Konstantin Bagryanordniy. *About empire management.* Moscow, 1991. 496 pp. (in Russian)].

Мас‘удб. Намдар. *Сборник рассказов, писем и стихов.* Факсимиле текста. Предисл. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970. 65 с.+307 с. [Mas‘ud b. Namdar. *Collection of stories, letters and poems.* Facsimile text. Preface by V. M. Beylis. Moscow, 1970. 65 pp. + 307 pp. (in Russian)].

Памятная книжка Дагестанской области. Сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1895. 729 с. [The memorial book of the Dagestan region. Comp. by E. I. Kozubsky. Temir-Khan-Shura, 1911. 729 pp. (in Russian)].

Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования. Отв. ред. В. М. Корецкий. М.: Наука, 1985. 272 с. [Saxon mirror. Monument, commentaries and research. Ed. by V. M. Koretsky. Moscow, 1985. 272 pp. (in Russian)].

Саутхолл Э. О возникновении государств. *Альтернативные пути к цивилизации.* М.: Логос, 2000. С. 130–136. [Sautholl E. On the emergence of states. *Alternative ways to civilization.* Moscow, 2000. Pp. 130–136 (in Russian)].

Светильник благонравия, или как обрести похвальные нравы и избавиться от порицаемых. Практические советы, почерпнутые в средневековых арабо-исламских «княжеских зеркалах». Сост., введ., пер. и коммент. А. А. Игнатенко. *Этическая мысль: Научно-публицистические чтения.* 1991. Общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 98–111 [The lamp of good manners, or how to gain laudable manners and get rid of those who are censured. Practical advice, gleaned in the medieval Arab-Islamic “mirrors for princes”. Comp., introd., transl. and comment. by A. A. Ignatenko. *Ethical Thought: Scientific and publicistic readings.* 1991. Ed. by A. A. Guseinov. Moscow, 1992. Pp. 98–111 (in Russian)].

Сизов С. К. *Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.).* М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 172 с. [Sizov S. K. *Achaean Union. History of the Ancient Greek Federal State (281–221 BC).* Moscow, 1989. 172 pp. (in Russian)].

Сокин А. А. Ганзейский союз в отечественной историографии (постановка проблемы). *Исторический ежегодник.* 2005. Сборник статей. Под ред. А. В. Якуба, В. П. Корзуна. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2006. С. 58–63 [Sokin A. A. The Hanseatic League in Russian historiography (problem statement). *Historical Yearbook.* 2005. Collection of articles. Ed. by A. V. Yakub, V. P. Korzun. Omsk, 2006. Pp. 58–63 (in Russian)].

Тасенко Т. Н. *Немецкие территориальные государства XVI в. в документах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН: Исследования и материалы.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 448 с. [Tasenko T. N. *German territorial states of the XVI century in the documents of the Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences: Research and Materials.* Saint Petersburg, 2017. 448 pp. (in Russian)].

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. и предисл. Б. А. Ларина. В 4-х тт. Изд. 2-е. Т. I. М.: Прогресс, 1986. 576 с. [Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*. Transl. by O. N. Trubacheva. Ed. and foreword by B. A. Larin. In 4 vols. 2nd Ed. Vol. I. Moscow, 1986. 576 pp. (in Russian)].

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Санкт-Петербург, 1890–1907 [Encyclopedic dictionary by Brockhaus and Efron. In 86 vols. Saint Petersburg, 1890–1907].

Askari, Nasrin. *The Medieval Reception of the Shāhnāma as a Mirror for Princes*. Studies in Persian Cultural History. Leiden: E. J. Brill, 2016. 404 pp.

Ayalon, David. The Great Yasa of Chingiz Khan: a Re-Examination. *Studia Islamica*. Vol. 33. 1971. Pp. 97–140.

Bayly C. A. *Indian Society and the Making of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 230 pp.

Claessen H. J. M. and P. van de Velde (eds). *Early State Dynamics*. Leiden: E. J. Brill, 1987.

Claessen H. J. M. & J. G. Oosten (eds). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: E. J. Brill, 1996.

Forster, Regula & Yavari, Neguin. *Global Medieval: Mirrors for Princes Reconsidered*. Cambridge: Harvard University Press, 2015. 234 pp.

Hansen, Mogens H. *A Comparative Study of Thirty City-state Cultures: an Investigation*. Royal Danish Academy of Sciences & Letters: Copenhagen Polis Centre, 2000. 639 pp.

Hassan, Daud. The Rise of the Territorial State and the Treaty of Westphalia. *Yearbook of New Zealand Jurisprudence*. Ed. G. Morgan. Vol. 9. 2006. Pp. 62–70.

Heuvel, Christine van den. *Beamtenschaft und Territorialstaat: Behördenentwicklung und Sozialstruktur der Beamtenschaft im Hochstift Osnabrück 1550–1800*. Kommissionsverlag: H. Th. Wenner, 1984. 460 pp.

Jones, Rhys. *People / States / Territories: The Political Geographies of British State Transformation*. Oxford: Blackwell Publishers, 2007. 595 pp.

Lennarz, Albert. *Der Territorialstaat des Erzbischofs von Trier um 1220 nach dem Liber annalium iurium archiepiscopi et ecclesie Trevirensis: erster Theil*. Universitäts-Buchdruckerei von Carl Georgi, 1900. 45 pp.

The Letter of Tansar. Transl. by Mary Boyce. Ed. by M. Minovi. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1968. 78 pp.

Minorsky V. *A History of Sharvan and Darband in the 10th–11th centuries*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 219 pp.

Southall, Aidan. A Critique of the Typology of States and Political Systems. *Political systems and the Distribution of Power*. Ed. by M. Banton. London: Tavistock Publications, 1965. Pp. 112–140.

Southall, Aidan. The Segmentary State in Africa and Asia. *Comparative Studies in Society and History*, XXX, I, January 1988. Pp. 52–82.

Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford. Hrsg. von F. Wüstenfeld. I–IV. Lpz., 1866–1873.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия.	ALIKBER Alikber Kalabekovich – PhD in History, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies of the the Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia.
---	---